
УДК: 1.177.61

ГРНТИ: 02.51.15

ВАК: 09.00.13

**УРОКИ ДИАЛЕКТИКИ В УЧЕНИИ О ЛЮБВИ МАКСИМА
ИСПОВЕДНИКА**

Пчелкина Светлана Юрьевна

Доцент, кандидат философских наук,

Школа искусств и гуманитарных наук,

Дальневосточный федеральный университет,

Россия, г. Владивосток

greet.svet@mail.ru

**THE LESSONS OF DIALECTICS IN THE TEACHING ABOUT LOVE OF
MAXIM THE CONFESSOR**

Svetlana Y. Pchelkina

Far Easten Federal University,

Russian Federation, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Любовь в учении Максима Исповедника представлена не только как особенное свойство человеческой природы, она есть системообразующее начало человеческого бытия и основное понятие философской антропологии христианского философа Восточной Римской империи. Максим Исповедник применяет диалектический метод, осуществляя гносеологическое деление понятия любви на два рода любви – любви страстной и бесстрастной. Плод диалектики страсти и бесстрастия – любовь как Страсть Бесстрастная. Бесстрастная любовь благотворно влияет на ум, чувства, желания и волю человека. Значение диалектического учения о любви Максима Исповедника – в сочетании христианского богословия и рационального метода философии (диалектики) в осмыслении человека.

ABSTRACT

Love in the teachings of Maxim the Confessor is presented not only as a special property of human nature, it is the system-forming principle of human existence and the basic concept of the philosophical anthropology of the Christian philosopher of the Eastern Roman Empire. Maxim the Confessor applies the dialectical method, realizing the epistemological division of the concept of love into two kinds of love - passionate and passionless love. The fruit of the dialectic of passion and dispassion is love as passionless passion. Impassive love has a beneficial effect on the mind, feelings, desires and will of a person. The meaning of the dialectical doctrine of love by Maxim the Confessor is in the combination of Christian theology and the rational method of philosophy (dialectics) in understanding a human.

Ключевые слова: Максим Исповедник; «Четыре сотни глав о любви»; человек; любовь; диалектика страсти и бесстрастия; страсть бесстрастная; познание; желание; воля.

Key words: Maxim the Confessor; "Four hundred chapters about love"; human; love; dialectic of passion and dispassion; passionless passion; knowledge; desire; will.

Современный французский религиозный философ Э. Жильсон оригинальность средневековой христианской философии любви мыслил в том, что, по его словам, «проблематичной становится сама природа любви». И, если античная философия стремилась понять, что именно нужно любить, то христианская философия задавалась вопросом, что это значит в целом для человека – любить [4, 367]. Пример такого рода христианского учения о любви мы находим в философии Максима Исповедника.

Учение о любви преподобного Максима Исповедника (550 г. – 662 г.) изложено им нескольких сочинениях, самым известным из которых является трактат «Четыре сотни глав о любви» [1]. Взгляд христианского философа привлекает внимание жизненной правдой о человеке, которая, по словам русского богослова И. В. Попова состоит в том, что человеку естественно быть нравственным, нежели безнравственным, поскольку любовь не только как нравственное понятие, но и как психическое состояние осуществляет «единящее действие», интегрируя разнообразные свойства человеческого существа до

целокупности: «Человек обязан воспитать её в себе, чтобы возвратиться в отечество первоначального блаженного единения всех вещей» [7, 441]. Любви как силе, которая способна как собрать воедино личность человека, так и разрушить её, если она неистинна, посвящены сочинения Максима Исповедника.

В «Сотнице» Максима Исповедника любви придается первенствующее значение в структуре человеческой природы, т.к., по словам А. В. Маркова: «Любовь для него не чувство, не влечение и даже не форма бытия. Любовь – это подлинность, любовь человека – само бытие его таким, каким он должен быть» [5, IX]. Это основополагающее значение понятия любви проявляется в том, что оно (понятие любви) служит в учении прп. Максима мерилom качеств ума, чувств и воли человека. Содержание каждого из этих свойств находится в прямой зависимости от наличия или отсутствия любви, а все вместе они составляют личностное содержание конкретного человека. Такая комплексность вполне вписывается в современную стилистику представления человека в сложной и многомерной полноте его бытия. И в целом учение о любви прп. Максима превращается в систематическое изложение сущности человека, где главная тема – анализ любви – позволяет целостно осмыслить человека, т. к., в представлении прп. Максима, как человек любит, влияет на то, как он мыслит, чувствует и действует в направлении своей воли.

Как же человек любит? Э. Жильсон, ссылаясь на западных средневековых мыслителей, пишет, что они исходили из той реальности человека, где любовь – опыт эгоизма и чувственности, для которого характерно то, что оно непосредственно обращено на «я», на полагание «само себя объектом своего желания» [4, 357-361]. Но такая любовь доставляет удовольствие, но не удовлетворяет.

По рассуждениям прп. Максима, представителя православной святоотеческой богословской традиции, любовь есть «благое расположение души» [1, 20], противоположностью которой является «страстность». И то и другое зависит от душевной направленности человека: если он живет, направляя себя к Богу, тогда это – «благое расположение», а если в направлении к чему-

либо земному тогда это есть «страстность». При этом, заметим, что в тексте «Четыре сотни глав о любви» само слово «любовь» у прп. Максима используется только в связке со словом «Бог»: «любовь к Богу» или «любящий Бога». Любовь как «страстность» словом «любовь» нигде не обозначается, поскольку, если нет любви к Богу, то все остальное не есть любовь, а есть *страсть* или *пристрастность*. Объяснить это противопоставление простой ссылкой на основные идеи христианского учения недостаточно. «Четыре сотницы» или просто «Сотница», как для краткости, обозначают творение прп. Максима, есть специфическое явление в истории христианской мысли: в качестве богословского трактата оно вместе с тем содержит в себе явные признаки трактата по психологии, и даже может послужить учебником практического руководства человеку в его повседневной жизни. И когда прп. Максим соотносит понятие любовь с понятием Бога, а страсть с понятием греха, то к этому следует относиться и как к психологической оценке, в том смысле, что различие любви и страсти определяется конкретными проявлениями, которые вполне можно наблюдать и описать. Так, плод любви, как благое расположение к Богу есть блаженство, которое внешним образом выражается отсутствием раздражения, негативных эмоций, обиды, печали, наличием радости и спокойствия. В то время как страсти всегда оборачиваются возбужденностью, потерей покоя, тревожностью, а, в конечном итоге, психо-эмоциональным опустошением человека («унынием»), поскольку, по словам прп. Максима: «Страсть есть не естественное движение души» [1, 43].

Проблема любви в христианской философии «в точности параллельна проблеме познания» [4, 363], что подтверждается ходом рассуждения прп. Максима. «Жизнь ума», понимаемая им как «просвещение познания», рождается от любви к Богу» [1, 21], и «чрез любовь ум восхитится» [1, 22]. Любовь к Богу формирует «чистый ум», который занимается «исследованием», т.е. познанием. Чистый ум, в представлении прп. Максима, способен как к познанию видимого, так и невидимого порядка вещей [1, 38]. Если ум направлен на познание видимого бытия, он исследует естественные свойства вещей, «ищет самую их

причину» [1, 38]. В направлении на познание невидимого бытия, другими словами, сверхчувственного, чистый ум также нацелен на то, чтобы «узнать естественные свойства оных, и что из сего следует и какой о них промысел Божий» [1, 38]. Высшее состояние ума – это уразумение «естества» Бога, которое есть раскрытие хотя бы нескольких свойств Бога, поскольку во всей своей полноте Бог остается непознаваемым [1, 46]. Другими словами, любовь придает уму человека свойства почти безграничные, во всяком случае, по сравнению с теми, что обычно доступны человеческому уму. Таким образом, познание выступает следствием любви, и истинная любовь раскрывает умственные способности к истинному познанию, а не истинная лишает ум способностей к истинному познанию. Если ум, по метафорическому выражению прп. Максима, «пригвожден» к чему-либо земному, т.е. находится под влиянием антипода любви – страсти, – то помыслы становятся «похотными» и «ненавистливыми» [1, 14]. В познании такой ум может рождать только «погрешительное суждение» [1, 43], и рождает «мысленный образ греха», т.е. «идол» [1, 48].

Образ истинного познания, который возникает у человека, любящего Бога, Максим Исповедник описал не только в «Сотнице», но и в «Послании к Иоанну Кубикуларию о любви». Прежде всего, как говорится в «Послании», любовь удостоверяет любящего в существовании того, кто любим [2, 146]. Другими словами, прп. Максим, предлагает разрешение проблемы о познаваемости и непознаваемости существования Бога, и любовь – это ключ к познанию бытия Бога и всего им сотворенного. Бог открывается для познания, только через любовь к Нему. А через богопознание человек получает способность к познанию и всего остального, т.е. того, что мы привычно называем природными явлениями (познанием чего занимаются современные науки). Познание такого рода, согласно христианскому философу, будет давать более полное представление, чем «глаз, прикованный к зримым формам чувственных вещей» [1, 147]. Смысл этих рассуждений вполне соотносим с когнитивным принципом – познавать в широкой перспективе: познание движется от конкретно целого к конкретно частному. И удержание познания в поле этого конкретно-целого не позволяет

познанию ни заикливаться на частностях (наоборот, переходить от одного познанного свойства к другому), ни растекаться, теряя связь с реальным объектом познания. Истинная любовь, «мудро подчиняя разуму то, что находится в нашей власти» [2, 146], таким образом, не ослепляет ум, не искажает познание, а укрепляет и расширяет познавательные возможности.

Познание, в свою очередь, определяет содержание чувств – в виде желаний, а предмет желания определяет направление движения воли. Истинная любовь придает истинность чувствам, а не истинная рождает неистинное чувство. Если критерием ума чистого и не чистого является правильное или неправильное знание о сущем, то критерием истинных и неистинных чувств является наличие или отсутствия счастья. Счастье зависит от того, от чего человек испытывает радость или печаль, от чего он больше страдает или, наоборот, получает блаженство, наслаждение: «Водящийся земными пожеланиями желает или явств, или удовлетворения подчревных движений» [1, 81]. Наслаждение не является само по себе правильным или неправильным чувством. Правильная или неправильная радость наслаждения обусловлена тем, как человек любит. Если он любит Бога, тогда он будет любить ближнего, и не будет для него иных радостей и наслаждений, как доставить угодное Богу, избавив ближнего от невзгод и печалей. Греховное чувство, тождественное по смыслу с понятием неистинного чувства, порождается любовью к вещам приходящим, к числу которых относится и человек в своем земном, плотском естестве. Такое чувство неистинно, потому что рано или поздно радость кончается, и, по выражению прп. Максима, «истребляется злостраданием или печалованием» [2, 51]. Неизбежность печального исхода для неправильных чувств, рожденных неправильными желаниями, как раз и объясняется тем, что человек любит нечто ограниченное по своей природе, в то время как в своём стремлении к счастью человек желает, чтобы счастье не кончалось. Счастье будет бесконечным, только если желания будут наполнены бесконечным, т.е. Богом: «Подлинно вкусивший сладость оного презирает все удовольствия, рождающиеся от вожделетельной силы» [2, 81].

Любовь к Богу в своём пределе должна полностью переродить чувствующую, вожделеющую сторону человека, перенаправив движение его желаний. В сочинении «Десять глав о добродетели и пороке» прп. Максим говорит о желании «тяжких страданий святых» как идеале вожделения. На первый взгляд – противоестественная цель для человеческого желания. Но в логике богопознания то, что является противоестественным, становится присущим естеству человека, не искаженного грехом: «Изначала похищенные прелестью наслаждения, мы предпочли смерть подлинно сущей жизни. И поэтому мы с благодарением несем телесный труд, умерщвляющий это наслаждение, чтобы, самой кончиной его упразднив вместе с ним и смерть, получить обратно вернувшуюся к нам жизнь...» [3, 261]. Наверное, это самое сложное для человека – осуществить радикальную перемену в своих чувствованиях, чтобы, как пишет прп. Максим, непременно мучиться и страдать, притупляя «в нас жало наслаждения» [3, 262]. Сложно принять это как наиболее соответствующее природе человека, но свою убежденность в этом вопросе прп. Максим доказал не только словами, но и подвигом личного мученичества.

В отношении влияния любви на волю различие между подлинным и неподлинным проявлением воли Максим Исповедник определяет через творение или не творение «зла», и из контекста этих рассуждений можно вывести вполне современное по звучанию обоснование нравственности – как проявление «здоровой воли». Зло, согласно прп. Максиму, есть растление плоти и души внутри самого человека и «не исполнение закона» в отношении ближнего. В «Послании к Иоанну Кубикуларию о любви» истинная любовь «убеждает волю двигаться соответственно естеству и не бунтовать против логоса природы» [2, 147]. Дело любви есть такое «исполнение закона», под которым понимается «долготерпеть и милосердовать», а также «благоразумное пользование вещами» [1, 26]. Таким образом, «злая воля» есть результат расколотого, разделённого естества, расчленённого на множество мнений и представлений [2, 148]. По причине этой расколотости человек подпадает под действие трёх пороков – неведения, себялюбия и тирании [2,148]. Смысл порока – в разрушении личности

человека. Порочность неведения, как мы это понимаем из рассуждения прп. Максима, видится в фальсификации познавательной активности человека: знание, которое человек вырабатывает в себе по ходу жизни вместо того, чтобы быть путеводителем, направляет человека по ложному пути. Себялюбие – это порок, из-за которого человек обречен на одиночество и заброшенность, а это ослабляет его жизненный потенциал, ведь жизнь одного конкретного человека укрепляется добрыми связями с другими людьми. Тирания есть совокупное действие пороков неведения и себялюбия, поскольку неправильное понимание жизни приводит к неправильному пониманию себя, а из этого вытекает неправильное отношение к окружению человека как стремление к уничтожению и уничтожению всех и вся.

Совокупность пороков неведения, себялюбия и тирании Максим Исповедник всё вместе называет «злоупотреблением собственными силами» [2, 148]. Действие «злой воли», в конечном итоге, разрушает личность человека, т. е. направление его воли противно его естеству. «Злая воля» – это противоестественная воля человека. Человек «доброй воли», наоборот, стремясь к исполнению требований естества, которое изначально нравственно, «собирает себя в единую простоту и тождество» [2, 149], и, выражаясь языком современной философии, приходит к переживанию экзистенциальной полноты.

Когда Максим Исповедник сравнивает два вида любви – к Богу и к тварному миру, то не следует думать, что речь идет о необходимости выбирать в качестве объекта только Бога и направлять силу любви в сторону только одного Бога. Именно в рассмотрении двух родов любви и обнаруживается использование Максимом Исповедником диалектического метода, сущностным моментом которого является деление «природы», когда, как пишет В. В. Петров, «само «деление» Максим рассматривает как метод познания», который есть способ несовершенный, но вынужденный по причине несовершенства ума человека, ещё не соединившегося с Богом [6, 69].

Диалектический метод со всей очевидностью прослеживается в «Главах о любви», и само понятие любви осмысливается Максимом Исповедником в

диалектическом отношении страсти и бесстрастия. Благодаря этому создается впечатление полноты осмысливаемости сущности человека, сочетающего в себе черты любви земной (плотской) и любви ангельской (духовной). И то и другое имманентно сущности человека, поскольку, если бы было только первое состояние, то рано или поздно оно привело бы к аннигиляции человеческого до состояния зверинного. А ангельскую любовь могут испытывать только сугубо духовные существа («ангелы»), в то время как человек по своей природе существо духовно-плотское. Он не зверь и не ангел, он – человек.

В идеале человек должен добиться состояния «обожения» (одно из главных понятий в общей системе богословия Максима Исповедника), которое в логике прп. Максима выражается в диалектическом «разрешении» (устранении) противоречия между двумя родами любви – любви к Богу и любви к земному. Смысловое противоречие и конфликт отношений между этими родами любви исчезнет через Любовь к Богу, поскольку на этой основе у человека воспитается истинная любовь и ко всему тварному, прежде всего, к ближнему.

Диалектика как метод двойного умозрения святого философа в отношении проблемы любви особенно ярко проявляется в его рассуждениях о бесстрастности любви. При этом бесстрастность не надо путать с бесчувствием, эмоциональной холодностью, рациональными доводами рассудка. Когда Максим Исповедник говорит о любви, то очень чувствуется при чтении его произведений, что это любовь горячая, пламенная. Это – Страсть, но Страсть бесстрастная!

Привычно полагать, что страсть есть свойство греховной любви. Это так, если страстность направлена на сугубо «тварную» сторону жизни. Есть в нашем языке выражение «больная страсть», означающее неистинную любовь, возникающую по причине любви к вещам, которая руководит умом и поступками, чувствами и верой. Такая «страстность» – есть причина болезненных состояний человека. Недаром, в христианском лексиконе слово «страсть» синонимично слову «страдание». Примечательно, что в наше

секуляризированное время «страсти», «страстям», «страстности» придаётся скорее позитивное значение, поскольку по смыслу отождествляется с блаженством, удовольствием, радостью. Ради наглядности, достаточно обратиться к современному искусству (особенно кино и литературе), так или иначе воспроизводящему картины этой болезненной страстности, от которой люди страдают, но при этом не видят другого источника радости. Но мудрость христианского подхода к пониманию страстности заключается в диагнозе, с которым не поспорит и современный психолог (профессиональный!). Конечный плод подобного рода страстности – боль, разочарование, опустошенность, уныние. Таков диагноз той страстности, которая возникает в человеке по причине любви к вещному, конечному, неподлинному.

Из рассуждений о любви Максима Исповедника, через его диалектическое рассмотрение страсти и бесстрастия, складывается специфическая антропологическая система: воля возбуждается чувствами, чувства умом, а ум – либо любовью (бесстрастной страстью), либо страстью (неистинной любовью). Таким образом, можно сказать, что в учении прп. Максима просматривается двойная антропологическая структура: 1) представление о человеке, каков он есть сейчас (в греховном положении) и 2) представление о человеке, каким он должен быть (через обожение). Критерием сравнения двух антропологий является понятие любви, как влечение человека к тому, что придаёт полноту его бытию, целокупно собирая его личность вокруг объекта любви. Если объект любви – Бог, тогда складывается одна антропологическая картина, а когда нечто вещное, преходящее – тогда другая, противоположная.

Истинность суждений Максима Исповедника легко проверить на практике, когда, читая его произведения, по словам А. Маркова, «мы учимся переживать и мыслить то, что прежде не переживали и не мыслили, но о чем догадывались всякий раз, когда жалели или проявляли щедрость» [5, 16].

Список литературы

Источники:

1. Максим Исповедник, преподобный. Четыре сотни глав о любви // Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия / Пер. с др.-греч. А. И. Сидорова. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 19 – 149.
2. Максим Исповедник, преподобный. Послание к Иоанну Кубикуларию // Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1.: Богословские и аскетические трактаты. Под ред. А. И. Сидорова. М.: Мартис, 1993. С. 148 – 153.
3. Максим Исповедник, преподобный. Десять глав о добродетели и пороке // Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1.: Богословские и аскетические трактаты. Под ред. А. И. Сидорова. М.: Мартис, 1993. С. 261 – 262.

Исследования:

4. Жильсон Э. Дух средневековой философии / Пер. с французского Г. В. Вдовиной – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 560 с.
5. Марков А. Как милость меняет ход истории; вступит. статья // Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия / Пер. с др. греч. А. И. Сидорова – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. I – XVI.
6. Петров В. В. Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII в. М.: ИНФРАН, 2007. 200 с.
7. Попов И. В. Естественный нравственный закон: Психологические основы нравственности. Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1897. XIX, 597, III с.